

С. О. ШМИДТ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ АКАДЕМИКА Н. П. ЛИХАЧЕВА

(Об изданиях последних лет)

Шестьдесят лет — достаточный срок для забвения сделанного историком. Тем более если ученого исключили в 1931 г. из Академии наук и имя его велед за тем несколько лет упоминалось, обычно с унизительными ярдыками. Сейчас можно утверждать, что труды академика Николая Петровича Лихачева выдержали испытание временем. Столетие со дня его рождения было отмечено и научными заседаниями, и статьями. Статью В. Л. Янина напечатали в журнале «Советская археология» (1962, № 2), исступительное слово С. Н. Вайка на заседании Совета Архива ЛОИИ СССР опубликовали посмертно в IX выпуске ВИД (в 1978 г.). Обнаруживается нарастающее уважительное внимание к научному наследию Н. П. Лихачева.

Это отражает не только перемены, происшедшие в климате нашей общественно-политической жизни, но и существенные изменения ценностных представлений при подходе к явлениям историографии. Еще недавно историографию (т. е. историю исторической науки, исторической мысли) сводили прежде всего к истории развития и противостояния исторических концепций и основное внимание акцентировали на общественно-политических внутренних (или даже практической деятельности) историка, отражение которых жестко усматривали в его сочинениях. Ныне начинают, наконец, не меньшее значение придавать позитивные проблемытики и постановке вопроса, методике исследования (специальные историко-филологические дисциплины признаются фундаментальной основой науки), философско-гносеологическому аспекту историографии.¹ Особое внимание обращают на то, в какой мере конкретные периоды и наблюдения деяний трудов используются в современных исследованиях. А указания на труды Н. П. Лихачева не только обязательная принадлеж-

¹ См.: Шмидт С. О. 1) Архивный документ как историографический источник // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступлений на Всероссийской конференции 20–22 декабря 1994 г.). М., 1995. С. 30 и след.; 2) А. С. Лыпо-Данилевский на рубеже эпох // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 229–237.

ность работ в области сфрагистики или таких, где ссылаются на датировку филиграней, и, конечно, собственно историографических сочинений о развитии специальных исторических дисциплин в России. Лихачев — едва ли не один из наиболее часто упоминаемых историков рубежа XIX и XX вв. в трудах последних десятилетий и о государственно-политической истории России конца XV — начала XVII в., и об источниках изучены этой истории, по темам геральдики, дипломатики.

В память ученого собираются научные конференции. Так, в мае 1987 г. в Москве Археографической комиссией, Библиотечской Академии наук и Государственным Историческим музеем была проведена конференция, приуроченная к 125-летию со дня рождения Н. П. Лихачева, — Первое Всесоюзное совещание по проблемам филигранологии. Материалы его сообщений и докладов стали основой книги «Филигранологические исследования: Теория, методика, практика» (М., 1990). И во вступительном докладе, и в докладах А. А. Амосова, Т. В. Диановой и др. отмечалось, что именно после трудов Н. П. Лихачева «исследование материального носителя текстов стало occupare необходимым и естественным процессом, предваряющим дальнейшее построение», и Н. П. Лихачев первым попытался установить «терминологию уровней классификации» всего корпуса филиграней.²

Замечательный шаток и неутомимый коллекционер многообразных видов и разновидностей памятников истории и культуры, знаменитый своими книгами, статьями, докладами, исследователь исторических источников разного типа (и письменных, и вещественных, и изобразительных), Н. П. Лихачев являл собой как бы живую энциклопедию всех специальных исторических дисциплин. Позднее он стал основателем и научным руководителем уникального Музея палеографии в Ленинграде, который справедливее было бы охарактеризовать как музей многих специальных дисциплин. Сейчас на доме, где он жил и где помещался его музей, — доме Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН — памятная доска. Следует, видимо, учитывать и то, что в наши дни коллекционерство и меценатство стали восприниматься как важная, достойная благодарной памяти фактор истории культуры.

К 130-летию со дня рождения Н. П. Лихачева, в 1992 г., Л. Н. Простоловцова подготовила небольшую книгу «Н. П. Лихачев: судьба и книги: Библиографический указатель», издавшую Историко-архивным институтом Российского государственного гуманитарного университета. В предваряющей указатель очень интересной статье «Вехи биографии» использованы архивные материалы хранения Москвы и Петербурга. Статьи, в той или иной степени относящиеся к творчеству Н. П. Лихачева и архивным материалам, его касающимся, появились и после того. Статья Г. В. Михайловой о Н. П. Лихачеве помещена в биографическом словаре «Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры.

² См.: *Ильин С. О. Традиции русской филигранологии в современной отечественной археографии. С. 6—7; Амосов А. А. Перенятые проблемы филигранологии. С. 25—29; Дианова Т. В. Использование водных знаков при описании рукописей. С. 36 и др.*

Том I: Императорская Публичная библиотека, 1795—1917» (СПб., 1995. С. 319—323).

Л. Г. Климанов подготовил статью о Н. П. Лихачеве для сборника «Триггические судьбы: Репрессированные ученые Академии наук СССР», изданного в 1995 г. Там впервые с такой полнотой использованы документы Архива РАН, приводятся много подробностей об избрании Н. П. Лихачева академиком, о его жизни и научной работе в последнее десятилетие жизни. Насыщенное цитатами из архивных материалов исследование Л. Г. Климанова «Н. П. Лихачев: византиноведение и рукописном наследии ученого»³ существенно обогащает наше представление о вкладе Н. П. Лихачева в развитие специальных исторических дисциплин, в том числе и в плане об источниках по российской истории. Сведения о докладе 1919 г. «Русская старинная миниатюра и задачи ее изучения» убеждают в том, что Н. П. Лихачев был у истоков того направления исследований, которое получило особое развитие после трудов А. В. Арциховского. Методически важно предостерегающее от поспешных выводов замечание Н. П. Лихачева: «В изучении источников необходимо принимать во внимание не только общий их характер, а также и детали...», что приводит «исследователей к направлению хронологии памятников». Там же находим и суждение В. Т. Георгиевского, показательное для восприятия архивистами Москвы творчества Н. П. Лихачева (очевидно, в связи с 60-летием ученого): «Во всех тех областях науки, где Вы являетесь в настоящее время хозяином, Вы выбирали такие вопросы, разрешение которых было особенно важно для целых обществ ученых и требовало многих годов и неустанных трудов по предварительному собиранию материала. Вам приходилось почти всегда врываться, так сказать, целну на ученой шине, совсем неразработанной».⁴

Данные о Н. П. Лихачеве и его взаимоотношениях с другими учеными обнаруживаются в фонде академика С. Ф. Платонова в РНБ, первая часть каталога которого издана в 1994 г.⁵ Там содержится переписка обоих академиков, свидетельствующая о большом доверии друг к другу, уважительной заинтересованности в научной работе, семейном знакомстве (в письмах Н. П. Лихачева есть подробности о состоянии здоровья его самого и родственников, материальном положении в 1920-е гг., о возможностях реализации исследовательских начинаний). Сохранились черновики отзывов С. Ф. Платонова о работе Н. П. Лихачева, прикомандированного к Петербургскому университету в 1889/90 и 1890/91 учебные годы. Отзывы написаны руководителем кафедры русской истории для Ученого комитета Министерства просвещения по годовым отчетам самого Н. П. Лихачева и личным впечатлениям. Выясняется, что тема докторской диссертации Н. П. Лихачева первоначально мыслилась как «Генеалогические очерки по истории служилого класса Московского государства», и только интензивная работа и храни-

³ См.: Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. Н. П. Медведева. СПб., 1995.

⁴ Там же. С. 184—185, 202.

⁵ РНБ. ф. 585, ед. кр. 1469; Каталог Архива академика С. Ф. Платонова. Вып. 1 / Сост. В. А. Колосков. СПб., 1994.

лицах Петербурга и Москвы определила возможность сосредоточить внимание на изучении бумаги и ее производства. С. Ф. Платонов пока еще осторожен в оценке докторской диссертации о бумаге и бумажных меланжах: «...без сомнения, ценный вклад в науку литературу, небогатую по данному предмету. Заметим, однако, что точно определить значение этого труда может только археографическая (исправлено вместо „палеографическая“). — С. III) практика, которая покажет степень полноты, а стало быть, и практической пригодности этого исследования». С. Ф. Платонов отмечает «исключительное научное усердие Лихачева» и «организмические свойства его ученого таланта». По его мнению, у Н. П. Лихачева «обильная способность разыскать, приодолить для него исторический материал, усвоить чрезвычайную массу фактов и оценить каждый отдельный факт», «прилежно исследовать все детали занимающего его предмета». Неустойчивый в собирании материала и его частичном анализе, Н. П. Лихачев, однако, «мыслит охотно и удачно синтезирует в своих работах». (Суждение это напомнило мне почти дословно схожее рассуждение А. И. Андреева. В бытность, в 1949 г. заведующим кафедрой Московского Историко-архивного института он, беседа с мной и сравнивая глубоко почитаемых им исследователей-мыслителей А. С. Лаппо-Давидовского и А. А. Шахматова с их сверстником Н. П. Лихачевым, охарактеризовал его кратко: «мыслит фактом».) Важной чертой Н. П. Лихачева С. Ф. Платонов считает и «наклонности думать (ранее было „дробить“). — С. III) свои силы и внимание сразу между многими темами».⁴

Показательно для выяснения взаимоотношений С. Ф. Платонова и Н. П. Лихачева (а также оценки ими деятельности коллег по Академии наук) собственноручное письмо С. Ф. Платонова от 20 мая 1926 г. Высший организатор научной работы в Академии наук, много способствовавший избранию Н. П. Лихачева академиком, С. Ф. Платонов задумал упрочить официальное положение недавно избранного академика в деловых кругах «актернствующего ученого сословия» (каковым признавалась Академия до введения устава 1927 г.) и сделать его своим заместителем в возлагаемых им Библиотеке Академии наук, Пушкинском Доме, Археографической комиссии: «Я веду Вас в заместители мой по учреждениям в прямых Ваших интересах. Надо Вас поставить в иное положение, чем академики „шкудящие“ или „беспольные“ (иронде Ляпунова и Лаврова, Кокошова и т. п.)».⁵

Особый интерес — и не только для оценки значения созданного Н. П. Лихачевым Музея палеографии в истории науки и культуры, но и пополнения сведений по истории С.-Петербургского филиала Института российской истории — вызывает «Письмо в редакцию», напечатанное в «Красной газете» 4 июня 1925 г. Текст его приводится полностью:

«Охраните ценнейший памятник (Письмо в редакцию).

В Ленинграде, на Петрозаводской ул., существует в особом доме всемирно известное собрание памятников письменности всех народов и времен („Палеографический кабинет“), составленное в течение

⁴ РГБ, ф. 585, ед. хр. 1469; Каталог Архива..., № 1167.

⁵ РГБ, ф. 585, ед. хр. 1835.

40 лет Н. П. Лихачевым и присоединенное в настоящее время к учреждениям Российской Академии наук.

Этот памятник культуры, имеющий громадную ценность, неизмеримую, так сказать, на деньги, переживает в настоящую минуту некоторый кризис. Рядом с ним, на пустом участке, устраивается детская площадка, причем между музеем и площадкой нет ни малейшей ограды, не только забора.

При самом сочувственном отношении к делу детского воспитания нельзя не видеть, что столь тесное соседство толпы детей и подростков может отозваться на сохранности коллекций, расположенных в нижнем этаже и не защищенных ничем.

Нет уверенности, что мячами не будут разбиты стекла в окнах и что простое любопытство не повлечет за собою детских вторжений на территорию музея. Путем бумажных сношений вряд ли удастся скоро добиться постановки забора, совершенно необходимого по существу дела.

Позвольте в этом деле обратиться к содействию вашей газеты. Печатное обращение скорее может привести к сознанию, что необходимо, не медля ни одного дня, принять меры к охране некачественно ценного народного научного достояния.

Достаточно сказать, что подобной коллекции по истории письменности существует во всей Европе, и уже потому рисковать ее целостно и неприкосновенностью никак нельзя. Акад. С. Ф. Платонов».⁸

В новом издании «Ярославской старина» (Вып. 1, 1994) переиздана с введением Л. Н. Простолуповской статья Н. П. Лихачева 1893 г. «...По поводу трудов Ярославской губернской архивной комиссии», существенно важная для изучения истории археографии и краеведения. Во 2-м выпуске нового альманаха «Река времени» (1995) опубликованы письма Н. П. Лихачева выдающемуся московскому нумизмату А. В. Оренинскому (1917—1922 гг.), подготовленные к печати Н. Л. Зубовой.

Желательно продолжить практику публикации не напечатанных при жизни трудов Н. П. Лихачева и выявления материалов об ученом в фондах его современников и научных обществ.

В 1994 г. труд Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» издан на английском языке: Likhachev's Watermarks: An English-Language Version (Vol. 1—2, Amsterdam, 1994).⁹ Переиздание, а по существу во многом обновленное издание классического труда Н. П. Лихачева — знаменительное событие для археографии, филологии, источниковедения. Три тома этого труда были напечатаны в 1899 г. Обществом любителей древней письменности тиражом всего 150 экземпляров. Небольшой тираж и русский язык делали издание, содержащее описание и изображение

⁸ РГБ, ф. 585, ед. хр. 1487; Каталог Архива... № 1305.

⁹ В основе данной статьи рецензия на это издание, напечатанная в журнале «Исторические архивы» (1994, № 6, С. 111—112). См. также: *Андрейничане К. В., Лифшиц А. Л., Мироненко М. П.* Новые английские справочные издания по славяно-русской палеографии и росписи // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 311—315.

более чем 4000 филиграней, малодоступным для зарубежных исследователей и не позволили по достоинству оценить огромный вклад наших соотечественников в развитие филигранологии (мир науки не знал прежде такой полноты филиграней, за исключением книги К. Я. Тромовина «Филигранные знаки, видимых в писчей бумаге», вышедшей еще в 1844 г.) и роль именно Н. П. Лихачева в утверждении представлений о том, что филигранология — одна из фундаментальных основ науки истории.

Н. П. Лихачеву впервые в истории мировой науки степень доктора истории была присуждена за исследование по филигранологии — «Историко-археографический очерк» «Бумага и бумажные древнейшие меловцы в Московском государстве» (СПб., 1891). Характерную трехтомное исследование 1899 г., академик А. А. Шахматов отмечал, что основные положения его восходят к докторской диссертации 1891 г.: «Мне кажется, рассмотренный труд занимает наступление новой эпохи в русской исторической науке: вооруженная такими подготовительными работами, как труд Н. П. Лихачева, она может смело рассчитывать на блестящее и многостороннее развитие».¹⁰

Л. В. Черепнин указал на то, что Н. П. Лихачев «внес новую струю в палеографию, бывшую в России достойным преимущественно историков языка и литературы и в силу этого интересующуюся главным образом лишь книжным письмом». Н. П. Лихачев выявил специфические задачи «дипломатической палеографии», т. е. палеографии актов и делопроизводственных документов, а это способствовало перемещению центра внимания палеографов с устава и полуустава как типов преимущественно книжного письма на скоропись. «Палеография дипломатическая», кроме общепалеографического изучения особенностей письма, рассматривает подписи, скрепы, справки, пометы и т. д. Н. П. Лихачев полагал возможным выделить в особый раздел и изучение автографов, так как это связано с определением характера исторических лиц.¹¹ Эти положения он обосновывал в лекционном курсе по дипломатике в С.-Петербургском Археологическом институте. Работа в сферах филигранологии и дипломатики велась им одновременно, и Н. П. Лихачев, первым в России начавший читать лекции по дипломатике, много содействовал пониманию взаимосвязей в развитии обеих специальных научных дисциплин.

Исследование о филигранях оказалось очень важным и в плане изучения общественно-политической истории. Так, детальное, последовательное и, главное, добросовестное наблюдение над филигранями всех книг огромного Лицевого летописного свода вернуло последним годам царствования Ивана Грозного памятник, прежде относимый учеными к XVII в. Эти выводы Н. П. Лихачева признаны образцовыми и вошли как классический пример в учебники академиков М. Н. Тихомирова по источниковедению и Л. В. Черепнина по палеографии, в книгу академика Д. С. Лихачева о текстологии.¹²

¹⁰ Шахматов А. А. Критический отзыв о книге Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных подписных знаков». СПб., 1900. С. 22.

¹¹ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 55.

¹² Тихомиров М. Н. 1) Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М., 1940. С. 130—131; 2) Источниковедение истории СССР. Вып. 1: С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1962. С. 258—259; Череп-

Недавнее полнстное рассмотрение А. А. Амосовым водяных знаков всех книг Лицевого свода (находящихся в хранилищах Москвы и Петербурга) убедительно подтвердило точность наблюдений Н. П. Лихачева и необходимость учитывать их и при датировке приписок о событиях времени Ивана Грозного. Этому посвящена большая статья А. А. Амосова «Датировка и кодикологическая структура „Истории Грозного“ в Лицевом летописном своде: (Заметки о бумаге так называемой Царственной книги)», опубликованная в 1982 г. в XIII томе ВИД.¹³ Тем самым показана источниковедческая неосновательность суждений тех историков последующих лет, которые, датировав время составления последних книг Лицевого свода более ранними годами правления Ивана Грозного, опираются не на точность дат фиширанцей, а на документы полнтической публицистики.

Английское издание осуществлено в международной серии «Monumenta Chartae Papyacea Historiam Illustrantia» под редакцией Дж. С. Симмонса и Б. ван Гиннекена-ван де Кастелея Обществом публикаций по истории бумаги (The Paper Publications Society), известным ценными изданиями важнейших трудов по фидиранологии (в том числе нашей соотечественница З. В. Участкиной «История русских бумажных мельниц и водяных знаков»). Публикацию характеризует высокий научный уровень издания и имя одного из редакторов — оxfordского профессора Дж. С. Симмонса, ученого трудя, первооткрывателя, исследователя и крупнейшего знатока памятников старославянской письменности, библиографа и старопечатных изданий, и трудов ученых нашей страны, переводчика (под его редакцией вышли переводы упоминавшихся уже работ З. В. Участкиной (в 1962 г.) и К. Я. Тромовича (в 1965 г.)).¹⁴

Главной задачей издателей труда Н. П. Лихачева было обогатить более широкий круг читателей ранее малодоступным справочным изданием по фидиранологии, отвечающим современным нормам организации справочного материала и учитывающим достижения фидиранологии за прошедшее столетие.

Трехтомное издание конца прошлого века теперь вышло в двух томах. Оказались опущенными страницы 1—212 первого тома, посвященные происхождению бумаги, формату, развитию водяных знаков и их ценности и определению даты документа, хотя этот аспект был главной страстью Н. П. Лихачева. Имелось и приложение — документы XVIII в., относящиеся к истории русских бумажных мельниц. «Эта часть опущена, — как отмечено издателями, —

ни Л. В. Русская палеография. С. 323; Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. С. 123.

¹³ См. также: Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Опыт комплексного источниковедческого исследования. Автореф. дис. — Др. ист. наук. СПб., 1991. Основное содержание исследования нашло отражение в опубликованных прежде статьях. В настоящее время рукопись исследования Александрия Александровича Амосова, скоропостижно умершего 15 апреля 1996 г., по смерти готовится к печати в виде книги. См. дополнительно примечания и дополнения А. А. Амосова в кн.: Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание. Л., 1982.

¹⁴ Указатель сто славяноведческих трудов открывает библиографическую серию «Крупнейшие историки славянской книжной культуры». Джон Симмонс. Киев, 1990.

из-за ударов в широко открытые двери и как имеющая главным образом интерес для тех, кто может прочесть и русский изданий». В современных условиях и издания (точнее сказать, переиздания) с сугубо справочными целями данное решение понятно. Но можно ли было при этом ограничиваться лишь таким кратким объяснением? Ведь перед нашими современниками двери в лабораторию фиширанологии и историю накопления фиширанологических знаний, особенно о бумаге российского происхождения, оказались «широко открытыми» прежде всего благодаря исследованию Н. П. Лихачева (кстати, об этом пишет и Дж. С. Симмонс в предваряющей перевод статье о Н. П. Лихачеве, сопровождаемой библиографией трудов о его жизни и творчестве). И не следовало ли дать зарубежному читателю более полное понятие о первоначальном виде переиздаваемого труда, подробное, с аннотацией содержания отдельных разделов (а их пять; в разделе 4-м наблюдения о датировке Лицевого свода, о чем уже упоминалось), ознакомить его с главными выводами новаторского исследования, имевшего для своего времени основополагающее значение?

В переведенное на английский язык исследование Н. П. Лихачева внесены исправления и большое число дополнений (современное местонахождение оригиналов фишираней; ссылки на подлинную литературу; условные водяных знаков с изображениями гербов, кириллических и романских букв и слов и др.; разночтения с изданием Ш. Брике); изменено расположение водяных знаков (в алфавитном порядке), что облегчает пользование изданием; уточнена терминология. Эту трудоемкую работу удалось осуществить лишь благодаря участию в подготовке издания специалистов из разных стран, в том числе из хранилищ нашей страны. Значение такого дополненного исследования Н. П. Лихачева для археографов и всех тех, кто занимается историей России и Восточной Европы XIII—XIX вв., трудно переоценить.

Переиздание трудов, публикация неизданного при жизни ученого, появление новых работ о его творчестве — все это показывает, что труды Н. П. Лихачева остаются в инструментарии современных исследователей. Имя академика Николая Петровича Лихачева прочно закрепилось в ряду классиков отечественной исторической науки, получивших международное признание.